

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Гуманитарный институт
Кафедра философии

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
_____ / В. И. Кудашов

«___» _____ 2023 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

47.03.01 Философия

ТЕМА: ПРИРОДА ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ В АНАЛИТИЧЕСКОЙ
ФИЛОСОФИИ

Руководитель темы

_____
подпись, дата

доц. каф. философии,
канд. филос. наук
Е.В. Григоренко

Выпускник

_____
подпись, дата

Д.А. Сорокин

Красноярск 2023

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	3
1. ПРИРОДА ОТНОШЕНИЯ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЕНЕРАТИВНОЙ ГРАММАТИКИ НОАМА ХОМСКОГО	6
2. ТЕОРИЯ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДОНАЛЬДА ДЭВИДСОНА В РАМКАХ АНАЛИЗА ОТНОШЕНИЯ МЫШЛЕНИЯ И ЯЗЫКА	23
3. КОНЦЕПЦИЯ КОММУНИКАЦИИ П. ГРАЙСА В КОНТЕКСТЕ ОТНОШЕНИЯ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ.....	36
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	44
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	48

ВВЕДЕНИЕ

Интерес к языку и мышлению – неотъемлемая часть духовной человеческой деятельности. Язык на протяжении многих веков рассматривался как инструмент. Его природа по отношению к мышлению была вторичной. Подход к изучению языка изменился после лингвистического поворота, который произошёл под влиянием Л. Винтгенштейна. После лингвистического поворота появилось множество семантических, грамматических, синтаксических и иных языковых теорий, которые описывали уже не отношение языка к самому себе, а отношения языка и мышления. После лингвистического поворота такие понятия как смысл, значение, сознание стали рассматриваться именно в контексте безусловной связи языка и мышления.

В современном мире человек сталкивается с множеством технических достижений, одним из которых являются программы, которые способны, например, генерировать текст или отвечать на поставленный вопрос. Некоторые из них способны даже создать видимость полноценного диалога. Границы между использованием языковых форм и использованием языка человеком продолжают размываться. Не так давно появились нейронные сети, которые способны писать связный научный текст с некоторыми допущениями. Они могут подготовить структуру научной работы в соответствии с темой, сгенерировать текст работы, обходя при этом системы антиплагиата. Подобное положение вещей подталкивает к различению границ между тем, что мы называем нормальное использование языка человеком и абстрагированное от языкового субъекта использование различных языковых форм.

Рассмотрение природы языка и мышления требует понимания характера их взаимосвязи. После лингвистического поворота исследования языка и мышление происходят с учётом их связи. Игнорировать данную

тенденцию мы не станем, поэтому в работе рассматриваемые категории будут исследованы, исходя из характера их отношения.

Существует множество исследователей, которые рассматривали язык и мышление и учитывали их взаимосвязь. Можно отметить Л. Винтгенштейна, Н. Хомского, Дж. Сёрла, Дж. Остина, П.Ф. Стросона, А. Ф. Гумбольдта, Х.Г. Гадамера, Д. Дэвидсона, П. Грайса и других.

Очевидно, что такой список языковых теорий охватить в рамках одной работы не представляется возможным. Поэтому необходимо отметить несколько языковых теорий, которые помогут выявить природу языка и мышления. Свой выбор мы остановим на генеративной грамматике Н. Хомского, теории интерпретации Д. Дэвидсона, теории значения П. Грайса. Выбор данных мыслителей обусловлен тем, что их учения охватывают как лингвистические, так и экстралингвистические элементы. В совокупности данные теории позволят составить более целостный образ рассматриваемого предмета.

Стоит перечислить учёных, которые занимаются выбранной проблематикой и анализируют труды выбранных аналитических философов. Среди них: В.А. Ладов [22, 23], Л.Б. Макеева [24, 25, 26], Е.В. Борисов [4], Н.Г. Абдурхманова [1] и другие. Необходимо отметить переводчиков трудов Дэвидсона, которые способствовали изданию сборника его трудов на русском языке: А. А. Веретенникова, Т. А. Дмитриева, М. А. Дмитриевская [9-18].

Из трудов рассматриваемых мыслителей важно выделить: у Н. Хомского «Язык и мышление» [33], «Картезианская лингвистика» [20] и другие; из философии Д. Дэвидсона можно отметить сборник его статей [9-18]; П. Грайса его статью «Meaning» на английском языке [35] и её перевод Л.Б. Макеевой [26], работу «Логика и речевое общение» [27].

Было использовано несколько иностранных источников: N. Allot [34], F. Veysalli [36].

Далее необходимо представить структуру работы:

Объект: Концепции природы языка и мышления в аналитической философии.

Предмет: Природа отношения языка и мышления в учениях Ноама Хомского, Дональда Дэвидсона, Пола Грайса

Цель: Эксплицировать отношения языка и мышления в аналитической философии.

В соответствии с целью были сформулированы следующие задачи:

1) Проанализировать природу отношения языка и мышления в учении Ноама Хомского.

2) Рассмотреть принципы интерпретации и развития языка в концепции Дональда Дэвидсона.

3) Проанализировать принципы коммуникации в процессе диалога в учении Пола Грайса.

Была сформулирована гипотеза: Отношение языка и мышления не заключается в их редуцировании друг к другу.

В работе использовались следующие методы: феноменологический, аналитический, компаративный, общенаучные методы.

Работа состоит из содержания, введения, трёх глав, заключения и списка источников. Общее количество страниц составляет 52, из которых: 3 приходятся на введение, 38 на основную часть, 4 на заключение, 5 на список литературы.

1. ПРИРОДА ОТНОШЕНИЯ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЕНЕРАТИВНОЙ ГРАММАТИКИ НОАМА ХОМСКОГО

Начиная попытку выявления природы отношения языка и мышления в учении Н. Хомского, необходимо подчеркнуть определённые проблемы, которые должны быть решены для того, чтобы утверждать наличие приемлемого уровня для анализа рассматриваемого вопроса. Во-первых, синтез определения исследуемых категорий. Выведение определения, исходя из рассмотренного содержания, является необходимостью, потому что это предоставит возможность целостно эксплицировать отношение языка и мышления. К тому же, у рассматриваемых мыслителей не даны определения рассматриваемых понятий в форме «Мышление есть ...». Поэтому в учении Н. Хомского будут выделены аспекты языка и мышления, которые необходимо проанализировать для получения определения, которое отвечает конкретно поставленной цели: сделать более ясным отношение языка и мышления в рассматриваемом учении. В этом смысле необходимо указать: какие понятия генеративной грамматики мыслителя должны быть рассмотрены, и как это следует реализовать, исходя из необходимости. Во-вторых, изучение языка и мышления в данной работе исходит из представления об их цельности и несводимости друг к другу, что приводит к неизбежности рассмотрения языка и мышления как взаимосвязанных, но нередуцируемых друг от друга. Это означает, что редуцирование языка и мышления друг к другу является в данной работе неприемлемым шагом. Далее будут перечислены понятия и методы их анализа.

Необходимо отметить, что появляется необходимость в процессе работы рассматривать отношения языка и мышления на примере неоднократных попыток различных мыслителей тем или иным способом описать особенности функционирования различных частей языка.

Особенности языка в данном контексте связываются с мышлением таким образом, что различные проявления языка могут рассматриваться как своего рода индикаторы наличия мышления. Возникает проблема выявления природы мышления, потому что рассмотрение сопутствующих языковых ситуаций происходит таким образом, что необходимы дополнительные усилия для выявления значения языковых проявлений для нашего исследования. Эти дополнительные усилия подразумевают определённый способ интерпретации, который необходимо ввести. В противном случае, квалификационная работа останется лишь на стадии упоминания различных методов.

В процессе интерпретации научных трудов Н. Хомского, Д. Дэвидсона и П. Грайса, в первую очередь, необходимо выявить момент, когда можно говорить о наличии значения. Под моментом подразумевается та ситуация, когда мышление и язык в своей взаимосвязи порождают возможность выявить содержание высказывания. В независимости от того, как рассматриваемые персоналии рассматривают онтологический статус значения и его природу, без значения высказывания невозможно говорить о наличии или отсутствии мышления. Фактически, способ описания природы значения является тем элементом учений, на которое стоит обратить наибольшее внимание.

Далее перечислим понятия, которые необходимо рассмотреть для формирования понимания значения, отношения языка и мышления в концепции Н. Хомского: универсальная грамматика, языковая компетенция, глубинная и поверхностная структуры. Введение данных понятий в контекст работы является необходимостью, поскольку каждое из них репрезентирует часть процесса реализации языка субъектом

Реализация языковых форм, а именно, языковой способности, в свою очередь является тем, от чего зависит возможность субъекта оперировать содержанием своего сознания таким образом, чтобы оно могло быть

вербально выражено. Следовательно, мы переходим к рассмотрению языковой компетенции.

Приведём цитату для начала описания понятия: «Сейчас уже стало, по моему, совершенно ясно, что если нам суждено когда-либо понять, как язык используется и усваивается, то мы должны абстрагировать для отдельного и независимого изучения определённую систему интеллектуальных способностей, систему знаний и убеждений, которая развивается в раннем детстве и во взаимодействии со многими другими факторами определяет те виды поведения, которые мы наблюдаем; если ввести формальный термин, то можно сказать, что мы должны изолировать и изучать систему языковой компетенции, которая лежит в основе поведения, но которая не реализуется в поведении каким – либо прямым или простым образом» [3, с. 15]. Из данной цитаты можно отметить то, что языковая компетенция обладает комплексной природой в том смысле, что определённая её часть доопытна, когда в то же время другая её часть является апостериорной. На априорную часть указывает обращение к интеллектуальным способностям, которые являются частью человеческой природы и со временем проявляют себя в различных формах.

Языковая компетенция является основой в субъекте, которое позволяет субъекту использовать язык. Рассмотрение данного аспекта теории важно по той причине, что мышление неразрывно связано со структурами сознания также, как и язык. В этом смысле возможность рассмотрения языковой компетенции как связующего звена между языком, структурами сознания и мышлением позволяет направить работу в необходимое русло. Н. Хомский подчёркивает связь между наличием человеческого интеллекта и свободным использованием языка, когда он анализирует Декарта в вопросе теории автоматов [3]. Данная связь выражается следующим образом: свободное использование языка является неопровержимым свидетельством наличия у субъекта качественно сопоставимых (сравнимых с человеческими) интеллектуальных способностей. Они, в свою очередь, несомненно связаны с

мышлением определённым образом, потому что проблематично представить любую интерпретацию мышления без опоры на базовые операции, выполняемые субъектом благодаря его собственной природе, частью которой является совокупность интеллектуальных способностей. Хомский рассматривает языковую компетенцию, включая в её определение интеллектуальный потенциал для освоения языка, в связи с этим понятие языковой способности оказывается необходимо связано с мышлением.

При этом мы не утверждаем, что любой факт использования языка является свидетельством того, что можно постулировать наличие мышления. Рассмотрение Хомским языка основывается на том, что «нормальное» его использование подчиняется определённым критериям: «Но нормальное использование языка является не только новаторским и потенциально бесконечным по разнообразию, но и свободным от управления какими-либо внешними или внутренними стимулами, доступными обнаружению.» [3, с. 23]. Получаем, что нормальное использование языка предполагает новаторский элемент, потенциально бесконечное разнообразие, свободу от стимулов.

Под новаторским элементом подразумевается то, что человек при использовании языка способен создавать новые высказывания, например, в процессе разговора. При этом сама структура высказывания заранее не определена и конструируется благодаря языковой компетенции достаточно быстро и зачастую в правильной форме. Стоит отметить, что структура именно конструируется, а не актуализируется. Такой вывод можно сделать, если прибегнуть к последующему критерию свободы от стимула. При этом вне зависимости от конкретной языковой среды, в которой происходило усвоение языка, человек способен использовать язык, сохраняя новаторский характер высказываний.

Потенциально бесконечное разнообразие связано с выразительными возможностями языка: «Новым в этой концепции оказалось не только понимание языка. Новым был и взгляд Хомского на язык как механизм

порождения бесконечного числа предложений. Новым было и утверждение, что говорящий использует конечное число грамматических средств языка, составляющих знание его/ее языка, называемое ученым языковой компетенцией, и, соответственно, видение лингвистики как науки, которая должна объяснить внутренний механизм языка...» [32, с. 6]. По словам З.А. Харитончик, Н. Хомский представляет набор правил для языка конечным, но при этом потенциал языка для выражения того или иного значения не ограничен. Фактически, язык становится определённым в той или иной мере для ситуаций его конкретного использования, но при этом язык в аспекте возможности выражения с его помощью того или иного содержания в сущности своей безграничен. Это неразрывно связано с новаторским элементом языка, поскольку при неограниченности способности языкового выражения новаторский элемент языка уже предполагается.

Свобода от стимула как критерий для нормального языка представляется нам в качестве аргумента против бихевиоризма 20-го века: «Ученый утверждал, что изучение языка не может быть простым процессом связывания стимулов с откликами. Он наблюдал, как маленькие дети, даже до 5 лет, могут уверенно создавать и интерпретировать новые предложения, ранее ими не слышимые». [5, с. 24]. Фактически, язык в данном случае в его проявлении динамичен, даже при наличии определённой и конечной системы правил субъект беспрепятственно употребляет неисчислимое количество высказываний, структура которых формируется не путём «стимул – реакция», а посредством постоянного синтеза глубинных и поверхностных структур, которые и являются содержанием высказывания. Мышление и язык в таком случае не могут быть редуцированы до простой реакции на раздражители. Определённое высказывание таким образом используется не потому, что его употребление закрепилось в сознании субъекта в следствии определённых процессов, а в процессе того, что в конкретной языковой ситуации определённая структура предложения благодаря наличию в

сознании субъекта знаний о языке (языковой компетенции) была адекватной в контексте употребления для конкретного языкового случая.

Помимо перечисленных условий Хомский пишет о связности и соответствии функции: «В чём именно могут состоять «соответствие» и «связность», мы не можем сказать ясным и определённым образом, но нет сомнения в том, что они являются осмысленными понятиями. Мы можем отличить нормальное использование языка от бреда сумасшедшего или от выхода вычислительной машины с датчиком случайных величин». [3, с. 23]. Связность языковых форм и соответствие функции в отношении языка означают, что в любой ситуации говорящий употребляет высказывание таким образом, что его значение соответствует конкретной языковой ситуации. Например, если ребёнок желает получить на день рождения определённую вещь, то он может сказать: «Мама, я хочу, чтобы ты подарила мне X». X в данном случае соответствует определённому объекту, который ребёнок желает получить, что и сообщает родителю. Ребёнок не скажет: «Мама, я желаю получить Y». Конечно, это верно, если X не тождественен Y. Во всех других случаях, если ребёнок выбрал верный способ конструирования структуры высказывания, то он будет понят. Связность в данном случае может проявляться как соблюдение правил грамматики конкретного языка, что способствует пониманию говорящего слушающим. Соответствие функции проявляется в том, что выбранная структура отражает конкретность его желания в том смысле, что для выражения своего желания он выбрал верные понятия и правильно организовал форму выражения их отношений в высказывании, чтобы выразить содержание своего желания. Данный критерий в общей форме отсылает на базовую человеческую способность в отношении языка понимать какая форма высказывания выражает определённое значение.

Прояснение содержания понятия «нормальное использование языка» позволяет сделать первый важный вывод работы. Факт использования тех или иных языковых форм сам по себе ещё не является причиной для того,

чтобы указывать на наличие мышления в том или ином виде. В настоящее время существуют программы, которые могут производить определённые операции, которые выражаются в знаке. Однако результат действия программы машины может предполагать использование определённых частей конкретных языков в крайне ограниченной среде. Машина в этом смысле не способна использовать язык как нечто целостное и ограничивается уровнем видимости использования языка. В этом смысле в работе важно подчеркнуть, что нормальное использование языка и употребление тех или иных языковых форм не являются тождественными.

Далее необходимо ввести в работу понятия: глубинная и поверхностная структуры: «Продолжая использовать современную терминологию, мы можем тогда различать поверхностную структуру предложения, систему категорий и составляющих, которая прямо связана с физическим сигналом, и лежащую в её основе глубинную структуру, также систему категорий и составляющих, но более абстрактного характера» [3, с. 40]. Внешняя форма высказывания отсылает нас к общей организации предложения и фонетическому аспекту. Глубинная структура представляет собой семантику высказывания в том смысле, что содержание высказывания предстаёт перед нами в определённой форме организации отношений понятий в предложении.

Глубинная структура в таком случае является своего рода организующим и задающим элементом высказывания. Организующий аспект проявляется в том, что поверхностная структура выстраивается в первую очередь в соответствии с определённой глубинной структурой. Другими словами, для синтеза адекватной формы высказывания, условием для которой выступает выражение значения в правильной форме, глубинная структура является неотъемлемым основанием. Данная взаимосвязь глубинной и поверхностной структуры проявляет себя при анализе высказываний в соответствии с грамматической теорией рассматриваемого мыслителя. Предложение расчленяется на определённые элементы (субъекты

и предикаты) и общую организацию предложения при анализе поверхностной структуры.

При репрезентации глубинной структуры высказывания учитываются особенности организации поверхностной структуры, но анализ производится на другом уровне. Если поверхностная структура вычленяет в основном связь субъекта и предиката и указывает на некоторые фонетические особенности и общую организацию предложения, то глубинная структура высказывания выявляет основу для построения высказывания в том смысле, что затрагивает более общие основания структуры предложения. Глубинную структуру в этом смысле правильнее воспринимать именно в её задающем аспекте. Глубинная структура задаёт семантическое содержание высказывания. Другими словами, глубинная структура являет собой значение, которое ещё не было воплощено в конкретном предложении: «Deep structure is the underlying abstract structure that determines its semantic interpretation» [36, с. 48]. Глубинная структура может быть выражена в виде нескольких простых по структуре и содержанию высказываний [36].

Важно указать: поскольку глубинная структура задаёт семантику высказывания, то конкретные высказывания, имеющие различные поверхностные структуры, могут быть семантически тождественными. На данном этапе ясно, что о наличии значения можно говорить в тот момент, когда глубинная структура реализуется носителем языка с помощью определённых поверхностных структур. Конечно, с учётом того, выражение глубинной структуры высказывания будет выполнено в соответствии с принципами универсальной грамматики, конкретного языка, который использует субъект.

Другим условием существования значения в рамках высказывания выступает наличие определённых характеристик использования языка. Эти характеристики были описаны при экспликации понятия «нормальное использование языка». Выполнение машиной определённых операций, из результата которых субъект может вычленить поверхностные и глубинные

структуры, также не имеет отношения к нормальному использованию языка. К данному выводу можно добавить, что машина изучает язык не таким способом, как человек. Хомский рассматривает определённую абстрактную модель усвоения языка [33]. В ней он подчёркивает, что ребёнок способен использовать бесчисленное количество высказываний даже, если он не употреблял их до определённого момента. При этом форма высказываний соответствует правилам конкретного языка, посредством которого ребёнок выражает свои мысли. Процесс усвоения языка ребёнком и машиной отличается между собой хотя бы потому, что его результаты разнятся. Новаторский характер высказываний машины ставится под вопрос, потому что функционирование машины строго определено в том смысле, что уровень её работы имеет односторонний характер. Сфера языковой деятельности человека фактически не ограничена. Способность адекватно синтезировать ту или иную форму высказывания доступна на данный момент лишь человеку.

Можно сказать, что даже возможность выявления глубинных и поверхностных структур в высказывании не является показателем, который мог бы являться ориентиром в вопросе наличия мышления или его отсутствия. Объясняется это тем, что машина может сгенерировать определённый текст, который будет соответствовать определённым правилам языка. Из высказываний данного текста человек может выделить поверхностные и глубинные структуры, которые могут быть правильно построены. Другими словами, в конкретных языковых проявлениях можно было бы утверждать, что машина обладает мышлением. Однако судить о наличии мышления по критерию проверки единичных высказываний нельзя, потому что вопрос о соотношении мышления и языка затрагивает их целостность и динамичность конкретных проявлений. Можно сказать, что способность машины адекватно формулировать высказывания является не столько проявлением мышления, сколько выражением трудов её создателей по формированию видимости подобия машины человеку.

Далее необходимо ввести понятие универсальная грамматика. Для этого рассмотрим несколько цитат: «Врожденная языковая способность, единая для всех представителей рода, независимо от этнической принадлежности, в генеративной лингвистике представлена как универсальная грамматика» [1, с. 3]. Исходя из данной цитаты, универсальная грамматика представляется как универсальная способность усваивать, использовать язык. Фактически, генеративная грамматика является основой языка, которая в дальнейшем в результате определённых процессов формирует конкретные языковые правила, структуры языков. Совокупность того, что в последующем формируется благодаря универсальной грамматике, Хомский называет конкретной грамматикой языка. Общее положение понятно, но не проясняет, что содержательно представляет из себя универсальная грамматика. К тому же, языковая компетенция также описывает способность усваивать язык. Отличие заключается в том, что универсальная грамматика является общим ядром языков, которое позволяет языку функционировать, а субъекту усваивать язык в множестве различных ситуаций. Хомский уделяет особое внимание исследованию принципов и правил универсальной грамматики: «Самая увлекательная теоретическая проблема в лингвистике – это проблема открытия принципов универсальной грамматики, которые переплетаясь с правилами конкретных грамматик, дают объяснения явлениям, которые кажутся произвольными и хаотическими» [3, с. 59]. Рассмотрение исследуемых понятий обосновано тем, что при приближении к открытию в полной мере всех принципов, лежащих в основе универсальной грамматики, возможно решить любую проблему языка. Это объясняется тем, что универсальная грамматика выступает фундаментом структуры языка, поскольку являет собой основу для использования языка субъектом. Вопросы об усвоении языка, проблема следования правилу решаются в тот момент, когда станет ясно, как организуется язык, на каких основаниях в самом себе субъект способен в бесчисленных количествах ситуаций усваивать язык с

последующим его использованием. Универсальная грамматика предстаёт как основа существования языка.

Универсальная грамматика носит врождённый характер. Это означает, что субъект фактически изучает язык путём актуализации внутренних структур, которые представляют набор правил, операций, которые реализуются при множестве различных внешних обстоятельств.

Необходимые понятия были введены, их значение было раскрыто, теперь в работе необходимо связать их, описать их взаимосвязь для прояснения содержания.

Выше упоминалось, что реализация в языке поверхностных и глубинных структур не может быть приравнена к мышлению, поскольку мышление является не совокупностью операций, которые направлены на организацию высказываний тем или иным способом. Хотя при этом мышление человека выражается в языке, и с этим нет необходимости спорить.

На данном этапе появляется определённая проблема, которую можно выразить следующим образом: Если мышление не является лишь совокупностью операций, то каким образом его можно определить при условии, что Хомский в большинстве своём рассматривает именно их? Здесь необходимо снова обратиться к понятию «нормальное использование языка» и его аспектам. Становится ясно, что высказывание, которое может получить программа в ходе своей работы, сформулировано в соответствии с правилами языка. Более того оно сформулировано зачастую в ясной форме, из которой можно вычленить как глубинную, так и поверхностную структуры. Однако возникают определённые нюансы того, как перед нами предстают поверхностная и глубинная формы высказывания.

Стоит заметить, что грамматика, которая разрабатывается Хомским, именуется порождающей (генеративной): «В интерпретации Н. Хомского, порождающая грамматика имеет дело с процессами мышления, находящимися за пределами реального или потенциального осознания...»

[21, с. 95]. Данное название отсылает к основной цели разработки данной грамматической теории: создать определённый теоретический аппарат, который сможет объяснить каким образом с помощью языка можно создавать неограниченное количество высказываний с учётом того, что язык как система правил ограничен и определён. Это тесно связано с понятием нормальное использование языка. С первого взгляда может возникнуть предположение о том, что Хомский пытается редуцировать всякое проявление мышления до глубинной структуры, которая отвечает за общую организацию предложений, своего рода создаёт основу для высказывания таким образом, что оно выражает именно то, что должно быть выражено. Однако данный тезис является заблуждением по следующей причине. Хомский как философ языка сталкивается с тем, что определённые теоретические модели, которые он создаёт, применяются им к естественному языку. Исследование естественного языка является сложным по причине того, что применение теорий языка по отношению к нему зачастую демонстрирует лишь несостоятельность грамматических и иных теорий в силу того, что цель таких теорий – универсальное объяснение тех или иных языковых феноменов в целостном виде.

Помимо этого, следует добавить, что «нормальное использование языка» фактически отсылает к тому, что теория языка будет состоятельна только тогда, когда будет описывать язык с учётом определённых его черт, которые проявляются в процессе его анализа. Таким анализом для нас является выявление характеристик «нормального использования языка» в контексте рассмотрения Н. Хомским размышлений Декарта.

Это означает, что нельзя игнорировать ни связность в языке, ни новаторский характер высказывания. Теория естественного языка в независимости от направленности (синтаксическая, грамматическая и т.д.) должна соответствовать данному критерию без исключений. Для нашего исследования это означает, что попытка экспликации отношений языка и мышления не может игнорировать особенности естественного языка, так как

рассматриваемые языковые теории разрабатываются именно при его исследовании.

Это означает, что редукция в рассматриваемом отношении не может быть произведена до структуры мышления или языка. Это является неудовлетворительным ответом, поскольку при редукции отношения таким образом игнорируются неотъемлемые свойства языка, невыводимые, исходя лишь из одной структуры. Следующим шагом необходимо с осторожностью рассмотреть введённые в исследование понятия и прояснить их место в отношении мышления и языка. Универсальная грамматика будет являться отправной точкой нашего рассуждения., поскольку благодаря ней можно начать говорить о языке. Конкретные языки являются результатом развития форм универсальной грамматики. Фактически, универсальная грамматика получает определённую форму, и все языковые правила, появившиеся в процессе становления языков, исходят из содержания универсальной грамматики. Мышление мы можем рассматривать только тогда, когда появляется понятие значения, которое в данной работе означает семантическое содержание предложения как таковое.

Рассмотрим следующее: «... мышление существует, по мнению Хомского, после того, как язык проявляет себя» [3]. В контексте его теории это закономерно, поскольку выявление значения может происходить только в рамках рассмотрения предложений, их структуры и отношений, которые в них проявляются. В рамках своих трудов Хомский не рассматривает какие-либо иные возможные проявления мышления помимо тех, которые проявляются в языке. Описать мышление в адекватной форме можно только тогда, когда описаны те элементы языка, которые позволяют мышлению быть выраженным в языке.

В данном контексте условием для формирования значения является, во-первых, наличие априорных структур, которые позволяют появиться конкретным языкам. Эти структуры в свою очередь и выражаются понятием «универсальная грамматика». Во-вторых, субъект, который обладает

потенциалом к изучению языка, должен реализовать свою языковую способность. Другими словами, ему необходимо находиться в языковой среде, которая позволит ему в той или иной мере усвоить язык. Знание грамматических и иных принципов языка позволяет человеку в свою очередь начать формулировать высказывания. Для этого он создаёт глубинную структуру высказывания с помощью универсальной грамматики и его языковой компетенции. Глубинная структура в свою очередь выражается в поверхностной структуре высказывания. Значение в таком случае может быть зафиксировано именно в тот момент, когда субъект обладает способностью создавать такие формы высказываний, из которых возможно выделить семантическую составляющую (вычленив глубинную структуру и соотнести её с поверхностной). При этом важно учитывать, что данный тезис применим только к человеку, то есть к субъекту, которому мы приписываем не только владение способностью к использованию языка, но также и способностью к его «нормальному использованию». Определённый алгоритм без каких-либо проблем и условностей, безусловно, может, руководствуясь правилами грамматики конкретного языка, представить высказывание, которое должно быть интерпретировано человеком тем или иным способом. Данное высказывание может быть проанализировано, из него может быть выделена поверхностная и глубинная структуры.

Однако подобного рода использование языка в результате приводит к тому, что выражение мысли в языке сводится к совокупности грамматических, синтаксических операций. Данный взгляд при рассмотрении естественного языка оказывается несостоятелен. Как минимум потому, что следование всем правилам языка не гарантирует того, что высказывание не будет противоречить характеристикам «нормального использования языка». Например, можно сформулировать такое высказывание: «Джордж Вашингтон родился в 15 веке». Данное высказывание как минимум нарушает критерий ясности. Если мы ведём речь о Джордже Вашингтоне как президенте США, то данное высказывание

представляется ложным и бессмысленным. Но это высказывание может быть проинтерпретировано исходя из того, что некто захотел ввести нас в заблуждение. Возможно также и то, что референтом выступает не президент страны, а её житель, который, в самом деле, проживал на её территории в обозначенный период.

В данном случае ясность, о которой пишет Хомский, будет подробнее рассмотрена в процессе анализа взглядов Д. Дэвидсона и П. Грайса. Этого уже достаточно для того, чтобы заключить: правильно построенное высказывание даже при возможности вычленения из него глубинной структуры, не является обязательно содержащим то или иное значение.

Мышление в таком случае не может быть представлено как совокупность операций. В данном контексте стоит упомянуть о том, что Хомский в своих трудах не игнорировал интенцию субъекта при оценке значения, хотя и не уделял ей внимания больше, чем грамматическим вопросам [3]. В отличие от него, Д. Дэвидсон и П. Грайс рассматривали роль субъекта в формировании значения более развёрнуто. Но даже так, Хомский не описывает мышление лишь как совокупность тех или иных операций по созданию форм высказываний, из которых возможно вычленить глубинную структуру. К тому же, наличие универсальной грамматики, которая делает возможным использование языка в любом его виде, приписывается лишь человеку: «Натуралистический ответ Хомского хорошо известен. Он предполагает существование врожденного, генетически наследственного знания о формальных грамматических структурах, проявляющихся во всех возможных естественных языках, использование которого дает способность человеку генерировать неограниченное число новых лингвистических последовательностей и однозначно интерпретировать их» [22, с. 40].

Таким образом можно попытаться дать определение мышления исходя из следующих тезисов: 1. Мышление и язык не редуцируются друг от друга; 2. Мышление, выраженное в языке, не является лишь совокупностью тех или иных операций; 3. Мышление, выраженное в языке, тесно связано с понятием

«нормальное использование языка»; 4. Те или иные высказывания, которые были употреблены субъектом, обладающим языковой компетенцией, являются выражением мысли субъекта.

Мышление в рамках изучения языка Н. Хомским следует определить как способность субъекта, который обладает языковой компетенцией выражать связи и отношения в языковой форме. При этом данное определение полагается в том числе и на понятие «нормальное использование языка», поскольку языковая компетенция фактически выражает и то, что говорящий определённым образом реализует свою языковую способность.

Следует отметить, что Н. Хомский, в отличие от Д. Дэвидсона, не приводит рассуждения по поводу того, что мысль может быть не выражена в вербальной форме. Д. Дэвидсон же делает подобные допущения.

Необходимо сделать несколько замечаний по данному определению. Так как оно сформулировано благодаря анализу языковой теории Хомского, то не может охватить тех допущений, которые могут быть сформулированы на основе данной теории. Например, можно сказать, что как только язык и мышление стали взаимосвязаны, то мысли могут быть выражены и в невербальной форме. Такой вывод можно сделать, исходя из того, что содержание универсальной грамматики является динамичным аспектом теории Хомского. И можно сделать допущение такого характера: «Если мышление как цельное явление развивается благодаря и вместе с языком, то это не приводит к тому, что мышление как способность выражать связи и отношения обязательно должно быть выражено только в языке». Мышление необходимо связано с универсальной грамматикой, как и с языком. В связи с этим на следующую качественную ступень понимания мышления в генеративной грамматике поможет подняться экспликация содержания универсальной грамматики. В зависимости от характера принципов универсальной грамматики понимание мышления может измениться.

В следующих главах большее внимание будет обращено на субъекта и его связь с мышлением. Таким образом, рассмотрение значения языковых выражений в работе будет более полным и комплексным.

2. ТЕОРИЯ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДОНАЛЬДА ДЭВИДСОНА В РАМКАХ АНАЛИЗА ОТНОШЕНИЯ МЫШЛЕНИЯ И ЯЗЫКА

Закончив анализ отношения языка и мышления в концепции Н. Хомского, стоит вспомнить несколько допущений, которые были сделаны в начале работы, и оценить необходимость их применения к теории интерпретации Д. Дэвидсона.

Отсутствие необходимости редуцировать язык и мышление друг от друга сохраняется, что подтверждается цитатой Дэвидсона: «На мой взгляд, это допущение ложно: ни язык, ни мышление нельзя полностью объяснить друг через друга, и ни то, ни другое не является приоритетным с концептуальной точки зрения» [13, с. 222].

Насчёт тезиса о рассмотрении категории значения в качестве условия для возможности выявления мышления необходимо внести определённые коррективы. В работах Д. Дэвидсона есть определённое понимание значения, которое формируется из его анализа возможности понимать высказывания. Значение для него, которое предстаёт в качестве связи между знаком и некой сущностью, не является объектом его интереса. Более того, он считает, что рассмотрение значения сугубо с лингвистических позиций не является приемлемым. Это можно заметить, когда он оценивает попытки синтеза теорий значений синтаксического толка, которые с большим вниманием пытаются решить вопрос о соотношении слов с какими-либо реальными объектами [18].

В нашей работе значение стоит понимать как ситуацию, когда содержание высказывания становится ясным при соблюдении тех или иных условий, и в работе не возникает проблемы использования данного понятия для описания семантических теорий различной направленности. Однако при необходимости понятие значение, используемое не стандартным для работы образом, будет уточняться.

Необходимость определения мышления также сохраняется, поскольку определения в явной форме в работах Дэвидсона не дано, хотя и попытки установить отношение между языком и мышлением ярко выражены в статье «Язык и мышление».

Стоит отметить те понятия, которые требуют нашего внимания для выстраивания целостной картины соотношения языка и мышления. Это понятия: переводчик, теория истины, теория решения (действия), Т предложения, мнение, теория интерпретации. Введение других понятий при необходимости будет производиться в рамках рассмотрения перечисленных. Теория Д. Дэвидсона оценивается так: «Во-вторых, интригу закручивает сам Д. Дэвидсон, ибо его концепция оказывается амбивалентной, содержащей в себе такие элементы, которые могли бы быть использованы каждой из противоборствующих позиций в свою пользу» [22, с. 53]. Амбивалентность, которая подчёркивается Ладовым, заключается в том, что Д. Дэвидсон исходит в построении теории интерпретации из теории истины Тарского, что выражается в предложениях вида Т. Теория истины Тарского носит яркий корреспондентский характер. Для нас это означает, что при допущении о том, что Дэвидсон исходит из теории истины Тарского, необходимо выяснить, сохраняет ли языковая теория Дэвидсона корреспондентский характер.

Ответ на данный вопрос будет отправной точкой для того, чтобы понять, как в теории интерпретации Дэвидсона значение проявляет себя: «Этот нюанс дает о себе знать, если мы поставим вопрос следующим образом: для успешной интерпретации В нужно, чтобы А видел мир правильно, то есть таким, каков он есть, или же лишь только то, чтобы А видел мир таким, каким его видит В?» [22, с. 63]. Такая постановка вопроса в корне изменяет взгляд на концепцию Дэвидсона и приводит аргумент в пользу того, что корреспондентский характер теории Тарского не приводит к тому, что Дэвидсон, опираясь на неё, конструирует теории истинности

высказывания, сохраняя корреспондентский взгляд на истину. Это становится ясно при развёртывании данного тезиса с примером.

Предположим, что два субъекта А и Б наблюдают через окно за задним двором некоего дома. Во время этого начинается дождь, однако субъекты А и Б в силу определённых обстоятельств не замечают этого. Субъект А говорит: «Какая же сегодня солнечная погода». Субъект Б соглашается, произнося: «Да, согласен». Согласно Д. Дэвидсону субъект А выразил своё убеждение (мнение), он не указывает на факт, который относится к действительности. Вместо этого при произнесении определённого предложения субъект опирается на своё убеждение, которое может быть ложным. Это приводит нас к тому, что оба субъекта могут иметь ошибочные совокупности мнений по поводу погоды, однако это не приводит к тому, что они не могут интерпретировать высказывания друг друга. Адекватное постижение действительности, таким образом, не является необходимым критерием успешности интерпретации высказывания.

Однако данный тезис не означает, что в большинстве ситуаций субъекты А и Б будут иметь неправильные представления об окружающей их действительности: «Дэвидсон полагает, что любой рациональный субъект имеет преимущественно истинные мнения о мире и по большей части адекватно понимает речь других» [4, с. 115]. После решения вопроса с корреспондентной природой теории интерпретации Д. Дэвидсона стоит обратить внимание на конкретные элементы языковой теории, которые позволят нам в подходящей форме выразить отношение языка и мышления.

Начнём с рассмотрения теории истины, теории интерпретации и Т предложений. Стоит отметить, что теория истины необходимо связана с теорией интерпретации. В работах Д. Дэвидсона они соединяются, образуя холистическую языковую теорию, использование которой приводит к осуществлению главной цели его исследования: объяснить каким образом интерпретируются высказывания. Учёный в своих работах пишет о необходимости рассмотрения такого рода значения, которое не может быть

рассмотрено исходя лишь из синтаксических и грамматических критериев. Это можно понять, исходя из следующей цитаты: «значение предложения — это его истинностные условия» [4, с. 116]. Из этого не вытекает такого отношения к грамматике и структуре языка, которое предполагает игнорирование особенностей конкретного языка в аспектах его формальной организации. Посыл Дэвидсона заключается в том, что рассмотрение категории значения не может быть ограничено рассмотрением только лингвистических аспектов.

Экстралингвистические аспекты в свою очередь отсылают нас к релятивистской теории истины, которую Д. Дэвидсон пытается описать в её наиболее общей форме и задать для неё требования, которым она должна соответствовать [9-10]. Для прояснения содержания данной теории стоит обратиться к предложениям Т типа.

Предложения Т типа могут быть выражены следующим образом: «Х истинно, если Р». Данная форма предложения является наиболее общей для описания предложения подобного вида, хотя Д. Дэвидсон и вводит определённые изменения в общую структуру этих предложений: ««Es regnet» является истинным-по-немецки, когда говорится неким х во время t, если и только если идет дождь около х в t» [15, с. 195]. Рассмотрим отличия двух форм предложений. Во втором варианте общей формы предложение Т есть дополнительные условия в правой части предложения. Это части «говорится неким х во время t» и «х в t». Эти части общей формы предложений, забегая, вперёд показывают холистичный характер теории Дэвидсона. Другими словами, формальная организация предложения типа Т напрямую соответствует критериям истинности, которые рассматриваются. Это приводит к важному выводу: Теория интерпретации Дэвидсона неразрывно связана с теорией решения (действия) и теорией истины. Это можно наблюдать более отчётливо, если выявить чёткую связь между упомянутыми частями формальной организации предложений типа Т и критериями истинности. Таким образом, «говорится неким Х» указывает на говорящего,

«во время t » указание на время, «около x » подразумевает место. Наличие подобного рода связи необходимо, поскольку формальный вид предложений T в данном случае должен быть неразрывно связан с критериями истинности предложения, коими являются место, время и говорящий.

Из текста предыдущего абзаца можно выделить несколько важных тезисов. Значение высказывания в данном случае исходит не из формальных правил организации языка, а из сопоставления конкретной формы языкового выражения и критериев истинности данного выражения. Для нашей работы это означает, что в отличие от Н. Хомского, который выявляет значение благодаря анализу поверхностных и глубинных структур предложения; Д. Дэвидсон полагается не на структурный анализ высказывания грамматического или синтаксического характера, а на экстралингвистические критерии. Действительно, такой вывод мог быть получен ещё на этапе, когда теория интерпретации разрабатывалась на основе теории истины и теории действия. Холистичность в теории Д. Дэвидсона проявляется в том, что теории действия, истины и интерпретации предстают перед нами в симбиозе, результатом которого становится возможность рассмотрения значения в естественном языке. При этом подобное исследование в итоге не сводится к рассмотрению тех или иных операций языка, оно сводится к рассмотрению комплекса условий, которые в равной степени определяют значение высказывания. Анализ языка и мышления должен в таком случае соответствовать полученным тезисам. Мышление таким образом не может рассматриваться как результат развития языка, поскольку для выявления значения используются экстралингвистические критерии. Хотя мышление не есть результат развития языка, но можно предположить, что определённые языковые ситуации являются своего рода индикатором наличия мышления, как и было сделано в первой главе с небольшими оговорками. На данный момент исследования можно точно утверждать, что мышление до языка не редуцируется. И данный тезис теперь является не допущением, а следствием.

Далее следует более детально проанализировать теорию действия и пользу введения данной части исследования Д. Дэвидсона в наше исследование.

Начнём рассмотрение связи теории интерпретации с теорией действия: «Взаимосвязь теории действия с интерпретацией проявится иначе, если мы зададимся вопросом о том, как может быть проверен метод интерпретации» [13, с. 230]. Введём в контекст вторую цитату: «Все вышесказанное предполагает, что приписывание желаний и мнений (а также других мыслей) должно производиться параллельно с интерпретацией речи» [13, с. 232]. Первая цитата повествует о наличии связи между теорией интерпретации и теорией действия. Вторая цитата описывает их отношение. Приписывание желаний и мнений относится к теории действия, основополагающий принцип которой довольно прост. В соответствии с намерениями и убеждениями субъект совершает то или иное действие, которое определённым образом соответствует намерению и убеждению. Более того, речевой акт тоже является действием. Можно сказать, что определённое высказывание употребляется говорящим соответственно его убеждениям и намерениям.

Роль данного рассуждения раскрывается тогда, когда мы начинаем задумываться о том, что является основой значения высказывания. Является ли основа мнением, выраженным в языке, или мнение вторично по отношению к языковой форме? Ответ на данный вопрос можно найти у Д. Дэвидсона в прямой форме: «Я надеюсь, ясно, что было бы ошибкой предполагать, что мы каким-то образом можем сначала определить, во что человек верит, чего он хочет, на что надеется, что намеревается сделать, чего боится, а затем перейти к определенному ответу на вопрос, к чему отсылают его слова» [14, с. 334]. Данная цитата крайне важна для работы, поскольку выражает её основную идею в адекватной форме.

Язык и мышление, целостно сливаясь друг с другом, являются как условием для существования друг друга, так и формами совместного проявления. Это объясняет и фразу Хомского, смысл которой сводится к

тому, что мышление появляется после языка [33]. Язык организован, следует правилам, но при этом явления языка не могут быть объяснены исходя из самих себя. А мышление как нечто универсальное и бесформенное не может быть найдено и проявляет себя лишь в подобных организованных знаковых системах.

В этом смысле теория интерпретации, теория действия, теория истины находятся в похожих отношениях. Поиск значения без учёта экстралингвистических целей субъекта несостоятелен так же, как и попытка выявления значения, основывающаяся лишь на речевом акте как действии. Другими словами, критерий целостности языка и мышления не позволяет взять конкретные формы одного и получить понимание природы другого даже с условием их связи.

Также в первой главе рассуждения подобного рода встречались при анализе понятия «нормальное использование языка», к чему стоит вернуться при подведении итогов работы.

Необходимо синтезировать результаты проделанной на данный момент теоретической работы.

Теория действия, теория интерпретации и теория истины обладают одинаковой ценностью при рассмотрении категории значения. Значение высказываний, таким образом, зависит от говорящего, места и времени. Формальные модели T предложений, используемые Д. Дэвидсоном, наглядно демонстрируют то, как связь данных теорий выявляется в каждой из них. Значение в таком случае можно рассматривать как релятивистскую категорию, поскольку формирующие её компоненты динамичны.

В данной главе необходимо рассмотреть следующие понятия: переводчик, принцип доверия. Следующая часть главы будет посвящена рассмотрению вышеуказанных терминов.

Переводчик в концепции Дэвидсона предстаёт как интерпретирующий высказывания субъект: «Существенным для моего аргумента является идея переводчика (interpreter), кого-то, кто понимает высказывания другого.

Выдвигаемые соображения подразумевают, как я думаю, что носитель языка должен сам интерпретировать других, но я не буду пытаться показать, что переводчик должен быть также и носителем языка, хотя могут иметься веские основания, чтобы так считать» [13, с. 224]. Идея переводчика как субъекта, понимающего высказывания других сама по себе не представляет особой ценности для нашего исследования. Однако, развивая концепцию интерпретации, Д. Дэвидсон утверждает: «Главный тезис этой статьи - субъект не может иметь мыслей, если он не переводит речь другого» [13, с. 224]. Данная мысль Дэвидсона является основополагающей в вопросе отношения языка и мышления, поскольку становится ясно, что язык и мышление связаны друг с другом посредством теории интерпретации. Переводчику в таком случае точно можно приписать наличие мышления в тех или иных формах. Но сразу же после постулирования тезиса о связи интерпретации и мышления Дэвидсон вводит в контекст данной связи несколько замечаний: «Этот тезис не подразумевает возможность редукции, бихевиористской или какой либо еще, мысли к речи. Он не подразумевает приоритета языка, эпистемологического или концептуального. Наше заявление также отличается от других подобных заявлений в следующем: оно допускает возможность существования мыслей, для которых субъект не может найти соответствующих слов или для которых не существует никаких слов» [13, с. 224]. Во-первых, Д. Дэвидсон сразу же предостерегает от редукционизма, что в его теории закономерно, поскольку теория интерпретации подобного характера не требует представлений о редукции мышления к языку. К тому же, учитывая, что данная холистическая по характеру языковая теория основывается на экстралингвистических критериях, то было бы непоследовательно полагать, что мнение говорящего как одно из экстралингвистических критериев может быть объяснено только лингвистическими средствами. Другими словами, интерпретация не сможет быть произведена в концепции Дэвидсона, если мы полагаемся лишь на язык как критерий успешности самой интерпретации.

Во-вторых, нам интересен второй тезис. Мышление требует языка, так как рассматриваемая интерпретация носит языковой характер, но при этом существуют такие мысли, для выражения которых субъекту не хватает доступных ему средств. Данный тезис в иной форме был выражен и в первой главе. Исходя из проанализированного материала, можно самостоятельно сформулировать следующий вопрос: «Если мышление и язык связаны, то может ли их связь описываться таким образом, что язык нужен лишь для развития мышления, а после он теряет свою монополию как средство выражения мысли?».

Вопрос был сформулирован иначе, но имел схожий посыл. К тому же, закономерно возникает вопрос: «Что предстаёт в качестве начала для другого?» Данный вопрос сразу же может быть разрешён, потому что такой путь рассуждения приведёт к редукционистским идеям, что в работе уже было отсеяно. Вопросы, которые предполагают ответом тезис о примардиальности языка или мышления, можно назвать несостоятельными для работы. Во-первых, из-за изначально занимаемой позиции, во-вторых, изначальная позиция подкрепляется свидетельствами из литературы. Дэвидсон выражает это так: «Однако ясно, что параллель между структурой мышления и структурой предложений не предоставляет доводов в пользу первичности любой из них, а лишь предположение об их взаимозависимости». [13, с. 226].

Далее стоит описать отношение интерпретации и приписывания мыслей субъекту. Таким образом, мы поймём, как интерпретация высказываний позволяет приписывать мысль как результат мышления субъекту. Начнём с цитаты: «Все вышесказанное предполагает, что приписывание желаний и мнений (а также других мыслей) должно производиться параллельно с интерпретацией речи» [13. с. 232]. Данная цитата отсылает нас к тому, что мы уже вывели посредством рассуждения, но немного иначе. Стоит обратить внимание на слово «параллельно».

При обсуждении отношения между теориями интерпретации, действия и истины мы сделали вывод, что успешная интерпретация требует их функционирования как единого целого. Объяснялось это тем, что выявление экстралингвистического элемента зависит от языка в том числе. Это означает, что выявление мысли, содержащейся в сознании субъекта, для переводчика представляется задачей, для которой он обязан использовать язык. Этот язык не обязан быть тем языком, на котором разговаривает говорящий, однако язык как таковой должен присутствовать. Выражается это следующим образом. Представим, что нам необходимо выявить мнение субъекта, который совершил определённое действие, оно не является речевым актом. Мы не сможем этого сделать, поскольку наличие нескольких мнений может привести к одному и тому же действию. Он, принимая во внимание свои прошлые тезисы, заключает: «В лучшем случае мы показали, или выдвинули требование, что в случае отсутствия поведения, которое могло бы быть проинтерпретировано как речь, наших свидетельств будет недостаточно для адекватного обоснования тонких различий, которые мы обычно проводим, приписывая другим людям те или иные мысли» [13, с. 233]. Этот вывод соотносится с рассуждением в нашей работе и подтверждает его.

Важно привести ещё одну цитату в качестве подтверждения тезиса: «...мы могли бы заключить, что только кто-то владеющий языком может мыслить, так как обладать мыслью, это иметь диспозицию к высказыванию вслух определенных предложений с соответствующей силой при данных обстоятельствах...» [13. с. 238]. На данном этапе мы привели достаточно количество подтверждений тезиса о том, что способность интерпретировать является условием для того, чтобы утверждать о наличии мышления у субъекта.

Далее проанализируем концепцию принципа доверия: «Допущение того, что Джон и Мэри имеют одни и те же убеждения по поводу окружающих их вещей и событий, т.е. того, что они видят мир одинаково, но

лишь, возможно, говорят о нём по-разному, и есть введение в теорию радикальной интерпретации Принципа Доверия» [23, с. 24]. Принцип доверия предстаёт перед нами в качестве определённого теоретического допущения, которое позволяет интерпретации функционировать в естественном языке. Без признания за двумя субъектами определённых интеллектуальных способностей в равной мере мы не можем говорить о какой-либо тождественности их мнений или возможности их соотнесения. Действительно, если бы мы не признавали, что говорящий или слушающий обладают возможностью адекватно воспринимать действительность в том же виде, что и мы, то интерпретация как таковая не могла бы существовать. В языковой теории Дэвидсона мнение есть внутренняя установка субъекта, которая относит нас к критерию значения. Без возможности выявления у субъекта того или иного убеждения путём языка интерпретация превращается в азартную игру. Согласованность интерпретации зависит от выявления мнения, а принцип доверия с некоторыми допущениями позволяет мнение выделять, в связи с этим, данный принцип фактически делает интерпретацию возможной.

Но при этом принцип доверия подчиняется закону: «Этот закон можно сформулировать следующим образом: чем ниже согласованность в употреблении выражений идиолектов собеседников, тем выше уровень Доверия» [23, с. 26]. Данная цитата связывает интенсивность применения уровня доверия с согласованностью интерпретации. Другими словами, условное признание за тем или иным субъектом определённого мнения основывается на согласованности. Согласованность в данном контексте отсылает нас к ситуации успешной интерпретации. Можно утверждать, что при удачном результате интерпретации мы правильно выявили мнение и приписали субъекту именно те мысли, которые у него были. Можно привести пример. Предположим, что два субъекта находятся в поле. Разделим их условно на субъекта А и Б.

Субъект А говорит: «Я вижу впереди красивое белое дерево». Субъект Б уточняет: «Ты видишь белое дерево?». Субъект А отвечает положительно. Субъект Б достаёт листочек бумаги, который был чеком из магазина, и спрашивает: «Какого цвета этот лист бумаги?». Субъект А отвечает: «Красный». В данном случае мы сталкиваемся с тем, что различные идиолекты имеют различные слова, закреплённые за одной характеристикой. Тогда субъект Б спросит: «Какого цвета трава под твоими ногами?». Субъект А ответит: «Белого». Субъект А спросит: «Выходит, что трава белая, а листок бумаги красный?». Субъект А ответит положительно. Это пример удачной интерпретации, в ходе которой субъект Б выявил, каким образом характеристика конкретного цвета выразилась в идиолекте субъекта А. Субъект Б приписал таким образом определённое мнение субъекту А в ходе интерпретации, полагаясь на принцип доверия. Субъект Б предположил, что субъект А не дурачится и употребляет высказывание таким образом, чтобы намеренно не вводить его в заблуждение. Если бы принцип доверия не был включён в теорию интерпретации, то мы могли бы ошибочно полагать, что субъект А использует язык, нарушая определённые принципы его организации. Это значит, что субъект А либо неразумен, либо его восприятие действительности качественно отличается от нашего. Принцип доверия таким образом позволяет предпринять переводчику определённые шаги по прояснению значения как отдельных слов, так и всего предложения. Принцип доверия в таком случае следует критерию согласованности.

В.А. Ладов рассматривает пример другого характера [23, с. 27]. Приводить его в работе нет необходимости, но можно сделать определённые выводы, исходя из него. В случае нашего примера принцип доверия функционировал в полной мере, поскольку субъект А и Б были убеждены, что они видят одно и то же. В случае с деревом и телеграфным столбом ситуация иная. Идиолекты двух субъектов в примере исследователя согласованы в именах объектов. В таком случае принцип доверия

приостанавливает своё действие, поскольку субъекты становятся убеждены, что их восприятие в данной ситуации различно.

Необходимо перейти к выводам главы.

Во-первых, необходимо упомянуть следующий тезис: мышление и язык взаимосвязаны посредством интерпретации. Язык делает интерпретацию возможной, так как предоставляет основание для приписывания субъекту определённого мнения. Другими словами, язык выступает в качестве возможности определить мнение субъекта. При этом в процессе интерпретации важен принцип доверия, который позволяет согласовать идиолекты с помощью сопоставления языка и эмпирических данных. Значение высказывания выявляется посредством экстралингвистических критериев: времени, места и говорящего. При этом теория истины, теория действия и теория интерпретации представляют собой единый теоретический комплекс, который позволяет приписать говорящему мнение, исходя из которого можно выявить значение высказывания.

Итак: мышление проявляется в качестве способности к интерпретации и употреблению высказываний с учётом критериев истинности и наличия определённого отношения к высказываниям.

3. КОНЦЕПЦИЯ КОММУНИКАЦИИ П. ГРАЙСА В КОНТЕКСТЕ ОТНОШЕНИЯ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ.

При анализе языковой теории П. Грайса вновь обратимся к тезисам, которые мы рассматривали в начале предыдущих глав. Поднимем вопросы о характере рассмотрения значения и необходимых для исследования понятий. Также ответим на вопрос о синтезе определения.

Рассмотрим феномен дифференциации значения: «Грайс, обратившись к анализу обыденного языка, указал на существенную двусмысленность английского слова «meaning» (решающего для семантических теорий), в котором обнаружил две составляющие: meaning как стационарное объективное значение языкового выражения и meaning как подразумевание, т. е. значение, зависимое от субъективных намерений (интенций) того, кто употребляет языковое выражение в коммуникативном процессе» [22, с. 30]. Исходя из цитаты исследователя, мы понимаем, что особенность рассмотрения значения в данной главе состоит в том, что появляется необходимость дифференциации категории. Исходя из этого, рассмотрим интенциональное и объективное значения в рамках работы. Также стоит обратить внимание на следующее описание речевых актов: «Теория речевых актов репрезентирует интенционалистскую семантику, в рамках которой значение языкового выражения трактуется как субъективное психическое переживание» [22, с. 39]. Для нашего исследования это означает, что П. Грайс исходит из интенции субъекта при выявлении природы значения. В отличие от Н. Хомского и Д. Дэвидсона, П. Грайс сосредотачивается именно на содержании сознания говорящего.

Понятия, необходимые для анализа языковой теории: коммуникативная импликатура, естественное и неестественное значение, намерение, принцип кооперации, коммуникативные постулаты. Другие понятия будут введены в тексте по мере необходимости.

Определение мышления в явной форме не дано в текстах П. Грайса. Исходя из этого, на основе анализа теории языка учёного будет необходимо привести соответствующее определение.

Начнём рассмотрение прагматической теории языка Грайса с введения понятий естественное и неестественное значение (*natural* и *non-natural meaning*).

Для этого обратимся к анализу предложений, которые рассматривает П. Грайс в своих работах. Начнём с предложения: «*Those spots mean (meant) measles*» [35, с. 377]. Данное высказывание можно перевести дословно как: «Эти точки (пятна) на коже означали корь». Рассматривая данное предложение, П. Грайс говорит о том, что связь точек на коже и кори не вытекает из того, что кто-либо вложил определённое намерение в данное высказывание. Примеры подобных предложений представляют нам *natural meaning* (естественное значение). Значение подобных предложений основывается на каузальности. Про пятнышки можно сказать, что они были вызваны корью. В данном примере мы не можем выделить чьё-либо намерение.

Рассмотрим предложение иного вида: «*Those three rings on the bell (of the bus) mean that the 'bus is full*» [35, с. 377]. Его можно перевести как: три звонка колокольчика означают, что автобус полон. При этом Грайс отмечает, что значение подобного предложения качественно отличается от рассмотренного. Он пишет, что предложение со звонками колокольчика можно понять как: Кто-то имел в виду, что определённое количество звонков колокольчика означают, что автобус полон. Можно наблюдать: как каузальный характер рассмотрения первого предложения контрастирует с характером рассмотрения второго предложения, которое отсылает на намерение субъекта. Но подобного анализа ещё недостаточно, чтобы в полной мере понять, что П. Грайс подразумевает под неестественным значением. Для этого проанализируем пример с фракком и танцами.

П. Грайс пишет, что многие люди, которые собираются пойти на танцы, надевают фрак [35]. Получается, что люди, которые увидят человека во фраке, подумают, что он идёт на танцы. Второе утверждение может быть верно, однако появляется проблема. Люди могут подумать, что ношение фрака может быть приурочено и к другому событию. В данной ситуации не существует определённости в том, что хотел выразить человек, надевший фрак. Более того можно сказать, что данное действие вообще не имеет какого-либо значения, которое человек хотел выразить. Выходит, что неестественное значение в концепции П. Грайса должно опираться не на каузальность, а на нечто иное.

Для описания этого пока ещё неясного элемента используем цитату: «Отвергнув каузальный подход, Грайс предлагает другую стратегию, в основе которой лежит идея намерения: чтобы приписать (неестественное) значение какому-либо действию человека, он должен иметь намерение сообщить что-то другим людям этим своим действием» [26, с. 76].

Данная цитата указывает на намерение говорящего как критерий значения. Это стоит принять во внимание, поскольку в предыдущем примере с фраком намерение передать то или иное значение отсутствовало. П. Грайс демонстрирует, что значения действия или высказывания в первую очередь опираются на то, что у говорящего (действующего) должна быть интенция сообщить нечто. В противном случае, может возникнуть ситуация рассогласования. Например, субъект А может взять с собой зонтик, намереваясь прогуляться, чтобы передать его своему другу. По дороге он встречает знакомого (субъекта Б), который говорит А, что сегодня, согласно прогнозу погоды, дождя не будет. Рассогласование такого характера возникает из-за того, что у субъекта А не было интенции выразить что-либо своим действиями, а субъект Б посчитал, что субъект А имеет такое намерение и указал на ошибочность его установки.

Из этого примера можно было также увидеть, что важно рассматривать не только интенцию инициатора действия, но и интенцию свидетеля данного

действия. Это можно подтвердить следующей цитатой: «Во-первых, он показал (на примере сфабрикованной улики на месте убийства), что одного намерения сообщить что-либо еще недостаточно. Нужно еще, чтобы те, кому человек намеревается своим действием что-либо сообщить, распознали это его намерение. Таким образом, для факта означивания чего-либо необходимо коммуникативное взаимодействие, в которое и говорящие, и слушающие вносят свою лепту» [26, с. 76]. Помимо подтверждения важности интенции обоих лиц коммуникации стоит уточнить, что для говорящего в случае языкового коммуницирования важно не только намерение вложить интенцию в знак, но и намерение быть правильно понятым.

Приведём ещё одну цитату Л.Б. Макеевой для введения ещё одного критерия для рассмотрения неестественного значения: «И наконец, отмечу третий, ключевой, пункт в анализе П. Грайсом понятия значения. Разъяснению именно этого пункта он посвящает наибольшее количество примеров. Его мысль состоит в том, что для наличия (неестественного) значения важно, чтобы только само высказывание говорящего, а не что-либо еще, служило основанием для формирования у слушающих определенного мнения, которое и выражает «считанное» ими значение» [26, с. 76]. Данное замечание П. Грайса, которое выделяет Л.Б. Макеева, отсылает нас именно к той проблеме, примером которой послужила ситуация с зонтиком. Участник коммуникации не может установить наличие намерения другого участника без того, чтобы другой участник сам не выразил свои намерения. Подобная установка необходима для того, чтобы в процесс коммуникации её участники имели адекватное представление о намерениях друг друга.

Следовательно, неестественное значение есть результат выражения намерения в процессе коммуникации, который подчиняется определённым её правилам. Эти правила коммуникации П. Грайс выделяет в своём труде «Логика и речевое общение», называя их коммуникативными постулатами.

При рассмотрении неявного значения стоит отметить следующее: Грайс вводит определённое понимание развития неестественных знаков в

процессе становления языка: «Грайс говорит нам, что в этом и состояла следующая стадия развития языка - знаки стали употребляться для намеренного выражения субъективных психических содержаний» [22, с. 31]. Данное замечание В.А. Ладова важно по той причине, что язык появляется фактически позже, чем становится возможным выражать значение. Оно выступает в более широком смысле как смысловое содержание того или иного действия. Поэтому язык появляется как средство, позволяющее передавать разнообразные субъективные состояния: «Выразительные возможности этих знаков ограничены. Их слишком мало, чтобы фиксировать более тонкие дифференциации интенциональных содержаний. Вполне логично в связи с этим предположить, что «коммуникативный взрыв» должен произойти на следующей стадии. А именно на стадии отвлечения от использования только естественных знаков для выражения интенций» [22, с. 32].

Таким образом, язык появляется как система выражения интенционального содержания субъекта. Хотя из этого не стоит делать вывод о том, что это приводит к инструментальному взгляду на язык в нашем исследовании. П. Грайс пишет о появлении языка, но напрямую не заявляет тезиса о редуцируемости одного от другого.

Далее перейдём к анализу коммуникативной импликатуры и коммуникативных постулатов. Первым шагом приведём цитату: «Я хотел бы разобрать один подкласс неконвенциональных импликатур, непосредственно связанных с некоторыми общими характеристиками речевого общения; поэтому я назову их импликатурами речевого общения, или коммуникативными импликатурами» [27]. П. Грайс вводит понятие коммуникативной импликатуры в рамках рассмотрения высказываний, которые описываются с помощью неестественного значения.

Рассмотрим коммуникативные постулаты мыслителя и принцип кооперации. Он описывает принцип кооперации как совместное усилие для достижения поставленной цели: «Твой коммуникативный вклад на данном

шаге диалога должен быть таким, какого требует совместно принятая цель (направление) этого диалога» [27]. Заметим, что рассматриваемые ранее условия неестественного значения определённым образом соотносятся с принципом кооперации. Например, необходимость убеждаться в намерениях другого участника процесса коммуникации только с помощью его собственных высказываний. В противном случае принцип кооперации нарушается, поскольку мы начинаем приписывать субъекту несуществующие намерения.

Перейдём к коммуникативным постулатам: количества, качества, отношения и способа [27].

Постулаты количества относят к тому, что количество передаваемой информации должны соответствовать поставленной цели. Можно сказать, что субъект должен сказать столько, чтобы это не породило заблуждений.

Постулаты качества: Не говорить того, что является заведомо ложным и для чего у тебя не хватает оснований.

Постулаты отношения: При коммуникации не стоит игнорировать предыдущий контекст взаимодействий и вводить в него то, что не связано с целью.

Постулаты способа: Нужно говорить в той форме, которая способна передать намерение таким образом, чтобы оно не было искажено. Например, использовать язык, усвоенный всеми участниками взаимодействия.

При исследовании постулатов ясно, что все коммуникативные правила служат тому, чтобы принцип кооперации соблюдался настолько, насколько это возможно. Представленные постулаты не единственные коммуникативные правила, которые можно вывести из принципа кооперации. Однако даже этого количества правил достаточно, чтобы выдвинуть следующий тезис: каждый коммуникативный постулат используется в качестве конкретных форм проявления принципа кооперации. Они предстают в виде конкретных правил, вытекающих из общего принципа.

Наглядно это будет представлено при рассмотрении связи коммуникативной имплицатуры и коммуникативных постулатов.

Коммуникативная имплицатура, коммуникативные постулаты и принцип кооперации связаны: «Предлагаемое объяснение должно выглядеть так: от всякого, кто стремится к достижению конечных целей речевого общения/коммуникации (это может быть передача и получение информации, оказание влияния на других и подчинение себя чьему-то влиянию и т. п.), ожидается, что он заинтересован в этом общении; речевое общение, в свою очередь, может быть выгодно и полезно только при условии, что соблюдаются Принцип Кооперации и постулаты.» [27]. Такого рода связь закономерна, так как принцип кооперации фактически выражает стремление говорящего, чтобы его поняли, и стремление слушающего, чтобы он понял намерения говорящего.

Также стоит отметить один важный аспект. Соблюдение того или иного постулата может сознательно подвергаться сомнению. Другими словами, в процессе коммуникации можно одновременно следовать принципу кооперации и нарушать те или иные постулаты, в таком случае коммуникативная имплицатура изменяется в соответствии с этим.

П. Грайс вводит, в том числе, и общий вид имплицатур: «Он сказал, что p ; нет оснований считать, что он не соблюдает постулаты или по крайней мере Принцип Кооперации; он не мог сказать p , если бы он не считал, что q ; он знает (и знает, что я знаю, что он знает), что я могу понять необходимость предположения о том, что он думает, что q ; он хочет, чтобы я думал — или хотя бы готов позволить мне думать — что q : итак, он имплицировал, что q » [27]. Данная общая форма для каждого отдельного случая может выглядеть иначе при нарушении того или иного постулата, то есть для выявления значения высказывания может быть сделано уточнение по поводу того, что постулат был нарушен. В соответствии с этим имплицатура примет иной вид, но сохранит свою общую структуру.

Важным также является одно свойство импликатуры, которое выражается в зависимости смысла от возможности построения импликатуры: «может оказаться, что тот или иной смысл нельзя выразить, не породив при этом некоторой импликатуры. Исключения составляют те случаи, когда для вывода импликатуры релевантна (в силу одного из постулатов Способа) некоторая специфическая формальная характеристика употребленного выражения» [27].

Для нашей работы это означает, что мысль как продукт мышления при условии выражения в высказывании неестественного значения может проявиться, если в процессе коммуникации происходит построение коммуникативной импликатуры. Пора перейти к выводам главы.

Во-первых, определение мышления в рамках концепции П. Грайса будет дано в контексте коммуникации. Объясняется это тем, что учёный строит модели языка, исследуя обыденный язык, исходя из прагматической позиции. Мышление в таком случае является организующим коммуникативным процессом, основой которого является деятельность субъектов коммуникации, заключающаяся в опознавании и передачи намерений на основе принципа кооперации и его конкретных проявлений. Мышление связано с языком, так как язык является сложной системой искусственных знаков, которая позволяет выражать значение конвенционального, либо неестественного характера. Это не значит, что язык или мышление редуцируются друг до друга. Для мышления в контексте коммуникации необходима система, которая позволит говорящему выразить своё намерение. Такой системой в учении П. Грайса предстаёт язык.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В качестве заключения стоит рассмотреть полученные выводы трех глав и, исходя из них, сравнить взгляды Н. Хомского, П. Грайса и Д. Дэвидсона в отношении языка и мышления.

Гипотеза о том, что язык и мышление не редуцируются друг от друга, подтвердилась в ходе исследования.

Н. Хомский, занимаясь разработкой грамматической теории языка, рассматривает мышление как способность субъекта, который обладает языковой компетенцией, выражать связи и отношения в языковой форме. При этом язык предстаёт как требование развития мышления, но, учитывая роль универсальной грамматики в языковой теории, то понятия мышление и язык в некотором роде соединяются.

В теории интерпретации Д. Дэвидсона мышление проявляется в качестве способности к интерпретации и употреблению высказываний с учётом критериев истинности и наличия определённого отношения к высказываниям. При этом язык является неотъемлемой частью интерпретации, поскольку позволяет выявить мнение говорящего. Принципы интерпретации в таком случае являются основой для формирования значения.

Мышление для П. Грайса представляет собой организующий коммуникативный процесс, основой которого является деятельность субъектов коммуникации, заключающаяся в опознавании и передачи намерений на основе принципа кооперации и коммуникативных постулатов. Язык в данном случае представляет собой комплексную систему неестественных знаков, которая необходима для реализации разнообразия выражения намерения. Коммуникативные постулаты, являясь выражением принципа кооперации, позволяют в полной мере достичь понимания намерений участников коммуникации.

Однако необходимо учитывать, что все рассматриваемые исследователи анализировали мышление в рамках исследования языка. Исходя из данного факта, появляется условность определений, поскольку выявить иные основания для исследования отношения языка и мышления представляется задачей большего масштаба, чем выпускная квалификационная работа.

Помимо подтверждённой гипотезы стоит отметить, что были выделены определённые тенденции исследования категорий значения и мышления, что важно для нашей работы, поскольку данная категория безусловно связана с мышлением. При анализе Н. Хомского проявился определённый подход в исследовании семантики высказываний. Исследователь ставит категорию значения в зависимость от формальных языковых правил и операций, которые в свою очередь содержатся в априорных структурах человеческого сознания. При этом априорность данных структур ставится в зависимость от материальной человеческой природы. Подобный подход носит натуралистический характер. Здесь оценка значения и мышления начинает соответствовать подобному взгляду. Мышление можно оценивать как уникальное свойство человека, поскольку его языковые способности обусловлены особенностями его материальной организации. Однако введение в свою концепцию рассуждения о нормальном использовании языка отсылают на определённые экстралингвистические составляющие теории.

Д. Дэвидсон подходит к вопросу определения мышления и значения иначе. Во-первых, он вводит в свою теорию интерпретации допущение о том, что говорящий и слушающий способны благодаря качественно сопоставимым интеллектуальным способностям выявлять в процессе интерпретации мнение друг друга. При этом они руководствуются тем, что их взгляд по поводу истинности того или иного мнения схож. При этом данному мнению даже не обязательно быть истинным с точки зрения факта, хотя и в большей части случаев Дэвидсон предполагает, что субъекты

коммуникации не будут намеренно лгать в большинстве ситуаций. Значение и мышление у философа релятивизируются. Значение зависит от критериев его истинности: места, времени, говорящего.

П. Грайс исследует значение путём его дифференциации на естественное и неестественное, что в последствии формируется в конвенциональное значение и значение, которое создает субъект. При этом он не старается создать единую формальную структуру предложения в отличии от Н. Хомского. Из-за того, что значение и мышление в языковой теории П. Грайса полагаются на понятие «намерение», то можно сказать, что оно является основополагающим аспектом интерпретации языка, мышления и значения. Таким образом, мышление можно представить в узком смысле как процесс выражения субъективного намерения с учётом принципа кооперации и коммуникативных постулатов.

Подводя итоги, необходимо сказать о том, что семантическая теория имеет несколько путей, которые могут привести к пониманию того, как формируется мысль и в какой форме она может быть выражена. Движение от формальной структуры до значения соответствует грамматической теории Ноама Хомского, процесс движения от интерпретации, основывающейся на взаимодействии языка и экстралингвистических критериев, представляет концепцию Дональда Дэвидсона. Направление, идущее от субъекта, которое основывается на его психологических состояниях в вопросе определения природы значения, выражает языковую теорию Пола Грайса.

Проделанная работа позволяет задать несколько важных вопросов относительно природы содержания высказывания. Оглядываясь на современный мир программ и машин, которые могут подражать человеческим способностям, появляется большое количество вопросов, природа которых до конца не ясна. Например, становится понятно, что компьютер может выдавать те или иные высказывания в узком кругу своего применения. Но при этом стоит заметить, что человек усваивает язык как нечто целое. Машина усваивает язык своего рода индуктивным способом.

Она изучает всё больше различных языковых ситуаций, учится соблюдать грамматику языка. Человек изучает язык иначе. Способности к синтезу неисчислимых высказываний с неявным значением, которые подчёркивал Хомский, радикальная интерпретация Дэвидсона, позволяющая интерпретировать даже абсолютно незнакомый язык, принцип кооперации, для которого не важна конкретная языковая форма. Данные явления в языке показывают, что человек при изучении языка не усваивает его с помощью простого бесконечного повторения языковых операций. Путь человека в исследовании языка представляет собой бесконечно повторяющуюся совокупность дедуктивных и индуктивных операций, условия выполнения которых основаны на его природе. Сможет ли программа без цельного присутствия языка в ней продемонстрировать его использование так, как это делает человек?

Последним шагом в работе необходимо сделать общий вывод по поводу определённых тенденций исследования языка и мышления в аналитической философии. Во-первых, язык и мышление исследуются с учётом их взаимосвязи. Во-вторых, отсутствует установка на редуцирование мышления к языку или языка к мышлению. В-третьих, аналитический метод в исследовании естественного языка в независимости от характера его применения (подразумеваются возможные пути семантической теории, описанные выше) не приводит к пониманию языка и мышления как совокупности формальных операций. В-четвёртых, адекватная оценка взаимосвязи мышления и языка требует исследования как лингвистических, так и экстралингвистических аспектов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдурахманова, Н. Г. Генеративная грамматика и концепция "Врожденных идей" / Н. Г. Абдурахманова // . – 2015. – № 7-1. – С. 216-220. – EDN UAQMKL.
2. Блохина, Н. А. Языковая коммуникация в контексте метафизики и эпистемологии Дональда Дэвидсона / Н. А. Блохина // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. – 2013. – № 1. – С. 5-11. – EDN SGLSBF.
3. Бондаренко, И. В. Влияние генеративной лингвистики Н. Хомского на мировое языкознание / И. В. Бондаренко // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2011. – № 2. – С. 141-149. – EDN NDSDFR.
4. Борисов, Е. В. О теории интерпретации и эпистемологии Д. Дэвидсона / Е. В. Борисов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2012. – № 2(18). – С. 115-119. – EDN OYHZKJ.
5. Галкина, Е. А. Философские основания универсальной грамматики Ноама Хомского / Е. А. Галкина // Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации (Социальный инженер-2020): Сборник материалов Всероссийской конференции молодых исследователей с международным участием, Москва, 07–10 декабря 2020 года. Том Часть 1. – Москва: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)", 2020. – С. 23-26. – EDN UUCCZZ.
6. Григоренко, Е. В. Модель идеального языка как интерпретация реальности в аналитической философии / Е. В. Григоренко. — Текст : непосредственный // Модель идеального языка как интерпретация реальности в аналитической философии. — 2016. — № № 4(36). — С. 39-49.

7. Гумбольдт, Вильгельм фон. Избранные труды по языкознанию / В. ф. Гумбольдт ; под ред. Г. В. Рамишвили ; послесл.: А. В. Гулыга, В. А. Звегинцев. - 2-е изд. - Москва : Прогресс, 2000. - 397 с. : 1 л. портр. - (Филологи мира). - Список лит.: с.371-372; Предм.указ.: с.373-394. - ISBN 5-01-004661-X : 82.45 р. - Текст : непосредственный.

8. Долгоруков, Виталий Владимирович. "В защиту догмы" : Грайс и Стросон против Куайна / В. В. Долгоруков. - (Архив). - Текст : непосредственный // Эпистемология и философия науки. - 2012. - № 2. - С. 201-205. - Библиогр. в сносках. - ISSN 1811-833X.

9. Дэвидсон. Д. В защиту конвенции Т // Исследования истины и интерпретации / Пер. с англ. А. А. Веретенникова, Т. А. Дмитриева, М. А. Дмитриевской и др. - Праксис, 2003. - С. 108-124.

10. Дэвидсон. Д. Истина и значение // Исследования истины и интерпретации / Пер. с англ. А. А. Веретенникова, Т. А. Дмитриева, М. А. Дмитриевской и др. - Праксис, 2003. - С. 45-71.

11. Дэвидсон. Д. Истинно по отношению к фактам // Исследования истины и интерпретации / Пер. с англ. А. А. Веретенникова, Т. А. Дмитриева, М. А. Дмитриевской и др. - Праксис, 2003. - С. 71-95.

12. Дэвидсон. Д. Мнения и основания значения // Исследования истины и интерпретации / Пер. с англ. А. А. Веретенникова, Т. А. Дмитриева, М. А. Дмитриевской и др. - Праксис, 2003. - С. 202-221.

13. Дэвидсон. Д. Мышление и речь // Исследования истины и интерпретации / Пер. с англ. А. А. Веретенникова, Т. А. Дмитриева, М. А. Дмитриевской и др. - Праксис, 2003. - С. 221-244.

14. Дэвидсон. Д. Непостижимость референции // Исследования истины и интерпретации / Пер. с англ. А. А. Веретенникова, Т. А. Дмитриева, М. А. Дмитриевской и др. - Праксис, 2003. - С. 315-336.

15. Дэвидсон. Д. Общение и конвенциональность // Исследования истины и интерпретации / Пер. с англ. А. А. Веретенникова, Т. А. Дмитриева, М. А. Дмитриевской и др. - Праксис, 2003. - С. 362-384.

16. Дэвидсон. Д. Радикальная интерпретация // Исследования истины и интерпретации / Пер. с англ. А. А. Веретенникова, Т. А. Дмитриева, М. А. Дмитриевской и др. - Праксис, 2003. - С. 182-202.

17. Дэвидсон. Д. Семантика для естественных языков // Исследования истины и интерпретации / Пер. с англ. А. А. Веретенникова, Т. А. Дмитриева, М. А. Дмитриевской и др. - Праксис, 2003. - С. 95-108.

18. Дэвидсон. Д. Теории значения и языки, поддающиеся изучению // Исследования истины и интерпретации / Пер. с англ. А. А. Веретенникова, Т. А. Дмитриева, М. А. Дмитриевской и др. - Праксис, 2003. - С. 26-45.

19. Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли: Пер. с англ. / Предисл. Б. П. Нарумова. — М.: КомКнига, 2005. — 232с. (История лингвофилософской мысли.)

20. Колесова, А. И. Аврам Ноам Хомский о языке, речи и смысле / А. И. Колесова // Актуальные вопросы современной науки: сборник статей по материалам XVI международной научно-практической конференции, Томск, 21 ноября 2018 года. Том Часть 2(3). – Томск: Общество с ограниченной ответственностью Дендра, 2018. – С. 122-126. – EDN YXIZEL

21. Корниенко, М. А. Лингвофилософия Ноама Хомского: от картезианской традиции к генеративной грамматике / М. А. Корниенко // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2018. – № 43. – С. 88-100. – DOI 10.17223/1998863X/43/8. – EDN UWQOIZ.

22. Ладов, В. А. ОГРАНИЧЕНИЯ НА ‘CHARITY’ И ВОЗМОЖНОСТЬ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ В КОММУНИКАЦИИ / В. А. Ладов. — Текст : непосредственный // Вестник ТГУ. — 2009. — № №4(8). — С. 22-27.

23. Ладов, В. А. Формальный реализм / В. А. Ладов. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. — 132 с. — Текст : непосредственный.

24. Макеева Лолита Брониславовна ТЕОРИЯ РЕЛЕВАНТНОСТИ, ПРАГМАТИКА И ПРОБЛЕМА ЗНАЧЕНИЯ // Философский журнал. 2022.

№3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-relevantnosti-pragmatika-i-problema-znacheniya>.

25. Макеева, Л. Б. Концептуальные схемы и релятивизм: критические аргументы Дональда Дэвидсона / Л. Б. Макеева, М. А. Смирнов // Эпистемология и философия науки. – 2020. – Т. 57, № 1. – С. 59-78. – DOI 10.5840/eps20205717. – EDN JDONMB.

26. Макеева, Л. Б. Что есть значение? Ответ Пола Грайса / Л. Б. Макеева // Философский журнал. – 2020. – Т. 13, № 4. – С. 69-88. – DOI 10.21146/2072-0726-2020-13-4-69-88. – EDN AUEAPI.

27. Пол, Грайс. Логика и речевое общение / Грайс Пол. — Текст : электронный // : [сайт]. — URL: <http://kant.narod.ru/grice.htm>.

28. Рогонян, Г. С. Дэвидсон и принцип недоверия / Г. С. Рогонян // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2015. – № 4(32). – С. 333-344. – DOI 10.17223/1998863X/32/36. – EDN VHLVOP.

29. Сёрл, Д. Р. Вопросы теории порождающей грамматики. / Д. Р. Сёрл. — Текст : непосредственный // Философия языка. — : "Едиториал УРСС", 2010. — С. 99-116.

30. Сёрл, Д. Р. Значение говорящего, значение предложения и значение слова. / Д. Р. Сёрл. — Текст : непосредственный // Философия языка. — : "Едиториал УРСС", 2010. — С. 75-99.

31. Харитончик, З. А. Конструктивизм и генеративная грамматика / З. А. Харитончик // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2017. – № 2. – С. 5-8. – EDN YZKRMV.

32. Харитончик, З. А. Хомскианская революция: обещания и результаты / З. А. Харитончик // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2017. – № 1. – С. 5-10. – EDN YLFOVJ.

33. Хомский, Н. Язык и мышление / Н. Хомский. — 2-ой выпуск. — Москва: Издательство Московского университета, 1972. — 123 с.

34. Allot, N. Paul Grice, reasoning and pragmatics / N. Allot. — Текст : электронный // Researchgate : [сайт]. — URL: https://www.researchgate.net/publication/240941851_Paul_Grice_reasoning_and_pragmatics.

35. Grice, H. P. MEANING / H. P. Grice. — Текст : непосредственный // The Philosophical Review. — 1957. — № Vol. 66, No. 3. — С. 377-388.

36. Veysalli, F. Deep structure or the principles of semantic investigation of sentences in the syntactic doctrine of N. Chomsky / F. Veysalli, V. Karimova // Philology. — 2018. — No. 6(18). — P. 47-49. — EDN RZNSGD.

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Гуманитарный институт
Кафедра философии

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
/ В. И. Кудашов

« 18 » 06 2023 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

47.03.01 Философия

ТЕМА: ПРИРОДА ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ В АНАЛИТИЧЕСКОЙ
ФИЛОСОФИИ

Руководитель темы

Г.И. - 19.06.23
подпись, дата

доц. каф. философии,
канд. филос. наук
Е.В. Григоренко

Выпускник

С.А. - 19.06.23
подпись, дата

Д.А. Сорокин

Красноярск 2023